
К ВОПРОСУ О САМОРЕГУЛЯЦИИ ЯЗЫКА

Ж. Багана, Е.В. Бондаренко

Кафедра французского языка
Кафедра второго иностранного языка
Белгородский государственный университет
ул. Победы, 85, Белгород, Россия, 308015

Статья посвящена вопросам системно-структурной организации языка в диахронии. Способность к саморазвитию и саморегулированию является одним из внутренних качеств языковой системы. Самоорганизованность является характерной чертой как системе в целом, так и отдельных ее уровней. Изоморфные связи являются важной составляющей языковой самоорганизации.

Система языка есть скрытая реальность, которая находится в сознании человека и дана ему эмпирически. Это абстрактная решетка отношений структурных компонентов и тактических правил-алгоритмов, приобретенная носителем языка через речь в процессе длительного контактирования в коллективе себе подобных. Структура языка объединяет в себе весь арсенал системно организованных лингвистических единиц разных уровней плюс алгоритмы внутриуровневых отношений между ними (тактические правила). Система, в свою очередь, — это некое множество разнородных структурных элементов, объединенных изоморфными связями и выполняющих единую, целостную функцию. Таким образом, система — это структура плюс функция. Любая сложная система может анализироваться с трех точек зрения:

1) относительно арсенала элементов; распределения этих элементов по подсистемам (по уровням), внутриуровневой организации языковых единиц (алгоритмы, тактические, валентные и дистрибутивные правила синтагматики и парадигматики), самодостаточной самоорганизации внутренних отношений между разноуровневыми элементами (межуровневые функциональные связи);

2) относительно ее внешних связей, взаимодействия с другими системами, т.е. в рамках сверх- и гипер-систем;

3) моделирование самих процессов диахронического саморазвития вновь возникающих, новых свойств системы, которые имманентно уже заключены в синхронном состоянии.

Пункты 1) и 3) важны, но в двух параметрах: синхронном и диахроническом. Первый параметр предполагает анализ внутренней системной организации элементов языковой структуры вне времени. Второй параметр — динамико-поведенческий — касается проблем самосовершенствования языковой системы в диахронии, ее способности к саморегуляции благодаря внутренним функциональным связям (лингвосинергетика), а также проблем прогресса в языке (лингвопрогностика). Самоорганизованность можно рассматривать как в отношении всей системы в целом, так и относительно ее отдельных уровней подсистем. Она может быть представлена как сложная функция от более простых характеристик системы: ее состава, структуры и свойств. Наиболее важной составляющей организованности является наличие определенных внутри-

системных изоморфных, функциональных взаимосвязей, благодаря которым языковая структура превращается в систему. Данные связи обеспечивают функциональность языка, что свидетельствует о типологическом характере изоморфизма этих отношений. Эти связи и типологические, универсальные особенности изоморфизма внутрисистемных отношений могут являться объектом и предметом диахронической лингвосинергетики.

Диахронический подход к исследованию языка является одним из основных методологических принципов в языкознании и предполагает избирательное или комплексное применение различных методов и методик, зависящее от конкретных задач и целей исследования, что обеспечивает глубокое понимание сущности природы языка, его функционирования и развития [1]. Типологическая модель абстрактной системы языка позволяет осмыслить совокупность языковых норм, этапов и правил, общих для анализа сложной, постоянно саморазвивающейся во времени конкретной системы. Эти процессы осмысливаются как синергетическое саморазвитие внутренней структуры языка. Анализ эмпирического материала показывает, что основным в исследовании языковой эволюции является вывод: любое минимальное изменение на одном из уровней системы может вызвать цепную реакцию появления инноваций на всех детерминированных уровнях, что, в конечном счете, ведет к нарушению предыдущего равновесия всей системы.

Прогнозирование эволюции языковой системы возможно лишь при наличии объемной информации об устройстве и функционировании этой системы в прошлом. Выдвижение гипотез о предполагаемом варианте эволюции или о приближении точки бифуркации должно опираться на знание основных тенденций и закономерностей, зафиксированных в обобщенной форме в основных тенденциях предшествующего развития, свойственных или конкретной языковой системе, или их типологической универсальности. Важно подчеркнуть, что «механизм формирования гипотез и их верификация на реальной эмпирии должны играть центральную роль» [2].

Все системные явления в диахронии однозначно детерминированы порождающими их причинами. Существует два рода причин, управляющих поведением систем: естественные, внутренние, регулярные и внешние, случайные (социальные, географические, этнические, культурные и т.д.) Первые из них — системные, вторые — антропогенные. И их роль в осуществлении и направлении самого процесса в диахронии различна. Может оказаться, что доминирующее значение будет принадлежать только причинам системным, при этом случайные причины не окажут существенного влияния. Но возможна ситуация, когда воздействие случайных причин настолько велико, что его нельзя признать несущественным. Они могут влиять на течение процесса и затрагивать все уровни языковой системы. Но в языке постоянно происходят процессы, которые никак не поддаются контролю со стороны его носителей. Это глубинные явления, обусловленные законами развития внутренних, латентных тенденций саморазвития самой системы. Они актуализируются в результате многократно повторяющихся речевых актов в коллективе говорящих, ибо «язык существует и развивается не в бумажных схемах, парадигмах, предписаниях литературных норм, но в речевой деятельности и в сознании членов общества» [1].

Признавая типологическую униформитарность тенденций развития языковых систем, можно с достаточной степенью уверенности говорить о возможности экстраполяции данных явлений с одной языковой системы на систему другого языка, независимо от их генетической общности и временных параметров.

На определенном этапе своего развития (IX—XIII вв.) морфологическая система английского языка претерпела коренные изменения. Древнеанглийская флективная структура языка с разветвленной системой склонения и спряжения постепенно стала изменяться. Этот период в истории английского языка на стыке между позднедревнеанглийским и раннесреднеанглийским был временем масштабных изменений во всех структурах морфологической системы. Именно тогда флективная система древнеанглийского языка начала перестраиваться, утрачивая значительную часть флексий как маркеров, а вместе с ними и служебных грамматических категорий. Структурно-системная организация продолжала индоевропейскую традицию полисемантизма: одна флексия была одновременно показателем комплекса грамматических категорий. В системе имени начинают постепенно исчезать служебные морфологические категории рода существительных и прилагательных, вся система падежей (от 5 в древнеанглийский период до 2 в среднеанглийский период).

С типологической точки зрения подобная эволюция системы характеризовалась следующими этапами:

а) вместе с маркером исчезает грамматическая категория (если она носит служебный или формальный характер);

б) система языка находит новые средства выражения грамматического значения (при объективном характере категории);

в) система языка пытается противостоять разрушительному действию фонологических процессов (морфонологическое взаимодействие единиц разных уровней).

В ряде исследований вопрос о причинах столь радикальных изменений в морфологической системе английского языка на рубеже между древним и средним периодами традиционно рассматривался с экстралингвистической точки зрения: скандинавские влияния, субстрат языка норманнов. Большинство лингвистов отрицают возможность активного взаимовлияния языковых систем на морфологическом уровне: одни признают это *a limine*, другие открыто подтверждают это как диахроническую универсалию типологическими и частными исследованиями. Существует множество исследований, посвященных заимствованиям в английском языке на разных этапах его развития, но ни в одном из них не упоминаются заимствования на морфологическом уровне. В работе «Наследство викингов» приводятся многочисленные примеры скандинавских заимствований на уровне бытовой лексики, топонимики и ономастики; но возможность морфологических влияний вообще не упоминается [3]. В исследовании «Иностранное влияние на среднеанглийский язык» уровень грамматики вообще не рассматривается [4]. Объемные работы «Древнеанглийский язык. Изучение древне- и среднеанглийского периодов» [5] и «Возникновение и развитие английского языка» [6] также не отступают от этой традиции. Это было ясно многим еще в начале века: «я не знаю ни одного случая, который бы пока-

зывает радикальные модификации морфологических категорий языка вследствие влияния другого языка» [7]. Ниже приводятся примеры того, как осторожно к этой проблеме подходят авторы работ по теории контактов родственных и генетически различных языковых систем в исследованиях по ареальной лингвистике и языковой типологии. К. Бруннер прямо указывает на трудность и невозможность проверки достоверности степени скандинавских влияний на развитие морфологической системы древнеанглийского языка. Общая тенденция к отпадению падежных окончаний, замечает он, «возможно», была обусловлена этим влиянием, но доказать скандинавские влияния на общую тенденцию упрощения всего морфологического строя английского языка невозможно [8]. К. Льюик также весьма осторожен при определении причин морфологического упрощения системы древнеанглийского языка. Говоря о скандинавских влияниях, он указывает на то, что скандинавы, стремясь к взаимопониманию с англосаксами, даже в области датского права редко пользовались родными скандинавскими диалектами. В результате смешанных браков у потомков были англосаксонские матери, которые учили детей родному языку и только в случае необходимости — языку отцов, которым сами не владели. При этом К. Льюик окончательно не отвергает возможности скандинавских влияний на фонологическом и лексическом уровнях [9]. Эта же мысль в гипотетической трактовке проведена в работе В. Лемана, который, рассуждая о характере контактов между англосаксами и скандинавами, указывает на «малонадежность» подобного предположения: «we can only speculate whether or not it was furthered by the contact between the two linguistic groups». И даже, говоря о заимствованиях лексики на бытовом уровне, В. Леман не рискует категорически утверждать о факте заимствований, т.к. эти слова могут восходить в обоих языках к праязыковой, общегерманской или даже индоевропейской общности [10].

Представление этой проблемы с точки зрения типологии взаимовлияний при языковом контактировании требует переосмысления с позиций современного языкознания. Языковые контакты являются одним из важных факторов, способствующих образованию в языке определенных инноваций. Однако наиболее открытым в этом отношении является лексемный уровень, далее по нисходящей следуют уровни фонологический, фраземный (синтаксис), и практически закрытой подсистемой является уровень морфологический. Вопрос о проницаемости морфологических систем являлся предметом обсуждения на международных лингвистических симпозиумах 1939 г. (Брюссель), 1948 г. (Париж), 1952 г. (Лондон). Большинство ученых высказывалось в пользу мнения о невозможности межъязыковых влияний на морфологическом уровне [11]. Совершенно однозначно по этому поводу говорил Э. Сэпир: «мы не находим нигде морфологического взаимовлияния, кроме чисто поверхностных, спорных случаев» [12].

Таким образом, проблема требует современного осмысления причинно-следственных связей с точки зрения синергетического подхода. Основанием для морфологических изменений в системно-структурной организации древнеанглийского языка следует рассматривать комплексное взаимодействие языковых контактов и внутрисистемных потенциалов самого языка. Только принимая во внимание обе группы причин, можно трактовать диахронические изменения, произошедшие в древнеанглийском языке на позднем этапе его развития.

Новые общетеоретические и прикладные выводы могут быть использованы в качестве проблемных для дальнейших диахронических исследований древних и современных языков, реконструкции их ретроспективного и проспективного состояния.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бруннер К.* История английского языка: в 2-х т. — М.: Изд-во иностр. лит., 1955—1956.
- [2] *Воронина И.Е.* Математические оценки динамики словообразовательных процессов и сетей в лингвистической онтогностике // Проблемы лингвистической прогностики. Вып. 1. — Воронеж, 2000. — С. 112—121.
- [3] *Мейе А.* Основные особенности германской группы языков. — М.: Изд-во иностр. лит., 1952.
- [4] *Мельничук А.С.* Сравнительное изучение языков разных семей. Лексическая реконструкция. — М., 1991.
- [5] *Boas F.* Introduction. Handbook of American-Indian Language. — USA, 1911.
- [6] *Clank J.* Early English. A Study of Old and Middle English. — Halle, 1961.
- [7] *Geipel J.* The Viking Legacy. — Newton Abbot, 1971.
- [8] *Lehman W.* Historical Linguistic: An Introduction. — NY, 1962.
- [9] *Luick K.* Historische Grammatik der englischen Sprache — Leipzig, 1914. — Bd. 1—2.
- [10] *Price H.* Foreign Influence on Middle English. — Michigan, 1947.
- [11] *Pyles Th.* The Origin and Development of the English. — NY., 1971.
- [12] *Sapir E.* Language. — N. Y., 1921.

TO THE ISSUE OF LANGUAGE SELFREGULATION

J. Baghana, E.V. Bondarenko

Belgorod state university
French Language Department,
Second Language Department
Pobeda str., 85, Belgorod, Russia, 308015

This article is devoted to the diachronic systematic language study issues. Language system has several important characteristic features. The ability to self-organization — is one of them. It may characterize either the whole language system or its levels.